

Пролог

Из города к морю вели две дороги. Они тянулись к сосновым дюнам, песчаному светлому берегу и сизой воде. Она, эта стихия, могла быть и кротко журчащей, и беспощадно вздыбленной. Впервые Женя Пчелинцева увидела море в штиль, в тот момент, когда волна, словно тоненькая серебряная цепочка, тихо извивалась вдоль берега. Женя постояла на вершине дюны, вдохнула запах нагретой смолы, потом сбежала вниз, запинаясь ногами в прохладном песке. По дороге она скинула туфли и теперь, не раздумывая, ступила в воду. Вода оказалась холодной. Женя отступила. Контраст между палящим солнцем и ледяной водой был удивительным. «Да, поплавать не получится!» — подумала она и устроилась на песке.

Вокруг почти никого не было. Только вдалеке семья с собакой, на дюнах загорающий парень и у края моря дед, ворошащий палкой прибитые к берегу водоросли. «Ищет янтарь!» — подумала Женя. Было тихо, только слабый гул воды и крики чаек. Женя внимательно присмотрелась и заметила на горизонте кораблик. «Кто-то куда-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

то плывет. В новые земли, к новым людям. А я уже приехала. Теперь буду здесь жить, — вздохнула Женя и тут же себя поправила: — Постараюсь здесь жить».

Жене Пчелинцевой было двадцать восемь лет. В город Дивноморск она приехала работать. Несколько месяцев назад ей позвонил руководитель ее диплома и сказал следующее:

— Пчелинцева, как вы знаете, я вас терпеть не могу. И только отлично выполненная вами дипломная работа как-то примирила меня с вашей полной анархией, помноженной на невиданное упрямство и несдержанность. Редкое сочетание...

Женя, все это слушая, улыбалась. Профессор Суржиков ее не любил, это верно. При этом Пчелинцева чувствовала, что в этой нелюбви было больше педагогического протеста против студенческого своеволия, а не чего-то личного. Жене даже иногда казалось, что профессору нравятся ее поступки, он их одобряет, но не может этого показать в силу профессиональной этики. Действительно, если одобрить участие своей студентки в университетском эротическо-политическом календаре, то что же будет?! Все побегут сниматься нагишом с плакатами в руках. При этом Суржиков видел, что Пчелинцева и лозунг умный себе придумала, и вид имела почти целомудренный, хотя и были на ней только высоченные «шпильки». Еще Женя помнила свой доклад о деятелях

Босиком по краю моря

французской буржуазной революции и собственные смелые рассуждения о ее влиянии на русскую интеллигенцию. «Да не было никакой такой интеллигенции! — бросила тогда Женя. — Нельзя считать, что мизерные проценты от всего населения крестьянской России — это интеллигенция! Ах, если бы у нас состоялась настоящая буржуазная революция! Если бы мы прошли этот путь целиком! Вот тогда была бы страна!» Пчелинцева помнила, как эта ее фраза вызвала бурю эмоций у однокурсников. Кто-то стал что-то доказывать, но Женя коротко и пренебрежительно парировала, не вдаваясь в долгие объяснения. Все, что хотела, она уже сказала и была горда собой. Позднее Суржиков вызвал Женю на разговор, но, к ее удивлению, не сделал замечание по сути, а только произнес:

— Когда полемизируете, старайтесь быть вежливой. Сегодняшний диспут приобрел оттенок базара. И только благодаря вам.

— Но что с ними спорить, они же меня даже не понимают!!! — воскликнула Женя.

Суржиков резко к ней повернулся:

— Ваша точка зрения — это не открытие Америки. Очень многие так думают. Я бы сказал, что это распространенное мнение.

— Что же вы меня не остановили? — фыркнула Женя.

— Мне надо было посмотреть, кто из слушателей выскажет что-нибудь оригинальное.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Пчелинцева осеклась — она вдруг поняла, что интересны были не ее высказывания, а те, кто ее слушал. Она же стала просто частью исследовательского механизма. Как лампочка в опытах Павлова. Расстались они с профессором Суржиковым сурово. Женя считала, что руководитель необъективно оценил ее дипломную работу. Конечно, он поставил ей «отлично», но это было формальное признание, а Жене хотелось, чтобы при обсуждении Вадим Леонидович произнес что-то типа: «Ваша точка зрения необычна. Но вы меня убедили. Я не соглашался с вами, но ваши рассуждения заставили меня пересмотреть свою позицию». Но нет, Суржиков поставил «отлично», ничего не приписал, на словах ничего не сказал. Словно не было двухгодичной полемики относительно того, как глобальная интернет-сеть влияет на телевидение и каковы в этой ситуации перспективы развития обратной связи с потребителем информации. Именно так, несколько громоздко, была обозначена тема Жениной дипломной работы. Кто-то ей сказал, что тема вполне тянет на диссертацию, Пчелинцева загордилась и ждала похвалы от Суржикова. Но он, как было уже сказано, промолчал. После окончания университета Женя работала в одной из компаний, которая производила продукцию для телеканалов — документальные и просветительского толка фильмы и передачи. Работа ей нравилась — вернее, ей полюбилась свобода, которая насту-

Босиком по краю моря

пила после университетской гонки. Ведь еще студенткой она подрабатывала. А, учитывая, что ей надо было обязательно получать повышенную стипендию, часов в сутках не хватало. На работе появилось время для отдыха, а затем и для спокойного дополнительного заработка. Через год после начала работы Женя поняла, что карьерного роста не будет. Она как-то заглянула в университет на кафедру и, встретив там Суржикова, обмолвилась:

— Ищу работу. С перспективой.

Она сказала это просто так. Без всякого умысла. И вот спустя много месяцев раздался этот звонок. Ее бывший преподаватель предлагал ей работу:

— Так вот, повторюсь, ваша точка зрения на многие профессиональные аспекты мне не близка. Но вы умны и умеете трудиться. А еще мой бывший выпускник нуждается в своей команде. Настоящей команде. Поэтому я рекомендовал ему вас. Мой совет, не поленитесь, поезжайте на встречу. Переговорите с ним. Вдруг это то, что вам надо... Если, конечно, еще ничего стоящего не нашли.

— Вадим Леонидович, — у Пчелинцевой даже голос сел, — спасибо... Конечно, я поеду, скажите только, куда? Адрес?

— А, адрес? — Что-то новое появилось в интонации Суржикова. — Адрес простой. Город Дивноморск, Липовый бульвар, дом 15.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Простите? — растерялась Женя.

— Да, да, это не Москва. Это город Дивно-морск. Когда люди называли его так, они не врали. Дивный город и прекрасное море. И край исторический. Эти земли раньше принадлежали...

— Я знаю, — с досадой, невежливо перебила его Женя, — но это же из Москвы надо уехать?

— Боюсь, работать на местном телевидении и жить в Москве у вас не получится. А вы не представляете, как это меняет положение вещей. И еще. Там создается новая структура. Серьезная и перспективная в государственном масштабе. Как известно, лучше всего карьеру строить или на закате, или на рассвете. Фигурально выражаясь, понятное дело... Еще раз советую — не пренебрегайте. Там не Москва, но и жизнь там не столичная. Совсем другая. Со своими прелестями. И со своими проблемами. Но там есть море.

В голосе Суржикова послышалась тоска.

— А вы бы на моем месте поехали? — вдруг спросила Женя.

— Побежал бы. Пешком, за вагоном, — не задумываясь, сказал Вадим Леонидович.

— А может, вам...

— Не смешите меня, — сухо ответил Суржиков, — куда я поеду?! У меня кафедра, ученый совет, диссертанты, нет времени статью написать...

— Жаль, — искренне сказала Пчелинцева и вдруг ощутила прилив радости. У нее не было кафедры и ученого совета, она могла поехать хоть

Босиком по краю моря

на край земли. Вот прямо сейчас, сию минуту, как только закончит разговор с профессором.

— Я согласна. И я выезжаю на встречу. Диктуйте контактные телефоны.

Через пять дней Женя прилетела в Дивноморск. Три часа у нее ушло на все переговоры, знакомства и уточнение деталей. Вечером она вернулась в Москву, в сумке у нее лежал договор — ее брали на работу во вновь создающуюся структуру Центрального телевидения. Это структура, которую все называли Агентство, должна была вещать на западный регион и базировалась в Дивноморске. Она позвонила Суржикову:

— Вадим Леонидович, спасибо вам. Меня берут, и договор у меня на руках. Я даже не знаю, как вас благодарить!

— Не благодарите. Как-нибудь привезете мне копченого угря. Только там они такие вкусные...

— Господи, да если бы знала, да я бы сегодня...

— Пчелинцева, успокойтесь. Я пошутил. Ничего не надо. Даже угря. Я там бываю иногда, по делам. Сам все покупаю. Удачи!

Женя попросилась со смешанным чувством — это была благодарность, признательность, уважение. И что-то еще, похожее на отношение к родителям — теплое, щемящее. «Он же совсем не старый. Он самый молодой профессор на три крупнейших университета. Об этом все говорили. Он же такой умный, интересный, энергичный... Почему же мне его жаль?..» — думала она.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Родители ее отъездом были огорчены. Женя знала, что с ними предстоит сложный разговор — они всегда очень гордились дочерью, сделали на нее ставку, и объяснить им, почему она должна ехать работать в Дивноморск, будет несложно. Но то, что они будут тосковать и волноваться, было очевидно.

Мать Жени, Татьяна Владимировна, заведовала почтовым отделением в Центральном округе Москвы. Образование у нее было высшее педагогическое, но в девяностые работать в школе стало невозможно — уроки срывали потерявшие берега великовозрастные ученики, платили мало, и решено было, что будет лучше, если она большую часть времени станет уделять воспитанию дочери. Но денег не хватало, и работать все же пришлось — рано утром и вечером Татьяна Владимировна ходила сортировать корреспонденцию. В те времена и почта работала отвратительно, но люди все равно писали письма и отправляли посылки. Работала Татьяна Владимировна хорошо, как-то незаметно стала сотрудником незаменимым и в конце концов получила пост начальника.

Ни тогда, когда она, педагог-математик, уходила из школы, ни позже, когда в перчатках-митенках без пальцев швыряла посылки, ни заняв тесный кабинетик в своем отделении связи, Татьяна Владимировна ни на минуту не забывала своей главной цели — воспитать дочь самостоятельной, умной и дать ей самое лучшее образование. Все усилия семьи были направлены на это.

Босиком по краю моря

Отец Жени, Илья Петрович, был слесарем. Как потом шутили в семье, он работал, как «Гоша (он же — Гога)», в физическом институте на Ленинском проспекте. Он как раз был тем, без кого ни одна диссертация не состоялась бы, поскольку установки и опытные приборы ваялись в институтских мастерских. С появлением фильма «Москва слезам не верит» специализация Ильи Петровича получила невероятную статусность и признание далекой от научно-исследовательских реалий публики. При всей своей занятости и некоторой отстраненности от педагогических процессов, Илья Петрович всецело поддерживал жену в ее движении к цели.

— Дочь, — как-то сказал он Жене-восьмикласснице, — я посмотрелся на ученых людей. По-разному науку делают, по-разному живут. Но одно могу сказать: без этого человек — не человек. Так, калека. Поэтому все побоку, и в университет. Хочешь математиком, хочешь историком. Занимайся тем, к чему душа лежит, но образование высшее должно быть, и заниматься в университете надо на «отлично».

Женя родительские установки приняла безоговорочно.

— Папа, я пойду на факультет журналистики, — сказала она отцу.

Илья Петрович охнул про себя — газет в прошлом их понимании уже не было, журналы читать было нельзя.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Папа, я хочу телевизионным журналистом быть. На телевидении работать, — упрямо сказала Женя.

— Ах, ну, это другое дело! — как бы с облегчением выдохнул Илья Петрович и тут же добавил: — А может, все-таки врачом? Всегда будет работа...

— Папа, я не хочу быть врачом. И не буду.

— Что же это за профессия — журналист?

— Отличная профессия — формирует общественное мнение и действует на умы людей, — отбарабанила Женя.

— Ну, если на умы... — развел руками отец.

«А что, дочка красавицей становится, почему бы и не телевидение? — подумал он. — Лишь бы не выскочила замуж раньше времени, главное — учеба и профессия. Тем более ее не переспорить».

А Женя Пчелинцева тем временем сходила к логопеду, пожаловалась на плохое произношение звуков «л» и «в», получила рекомендации, а затем записалась на курсы по постановке дикции. «Уж если работать, то качественно, чтобы без каши во рту», — думала она. Кстати, это был очень дальновидный шаг — в качестве подработки два раза в неделю Женя вела малюсенькую передачу на одной из радиостанций. Ее голос уже знали — дикция была совершенно безупречной, стиль разговора свободный, уверенный.

Теперь, когда Женя сообщила о своем решении уехать в Дивноморск, дома случилась ссора.

Босиком по краю моря

— Как можно уезжать из Москвы?! — воскликнула мать. — В самом начале карьеры?! Когда все закладывается — опыт, практика, знакомства, связи... Как это можно себе позволить? Ты же себя лет на пять назад отбросишь. Твое место в Москве займут те, кто из этого самого Дивноморска сюда стремится.

— Дочка, я тебя понимаю, там ты принцессой будешь. Из Москвы, после университета, там легко принцессой стать. Но короли и королевы сидят в столицах! Ты что же, потом приедешь и будешь все заново начинать? Ты сама посуди! — вторил отец. — Но, конечно, ты взрослый человек, тебе виднее, — мудро заметил он, зная донельзя упрямый характер дочери.

Женя впервые за все время задумалась — родители посмотрели на проблему с самой простой житейской стороны. Их опасения имели под собой почву. Пчелинцева вдруг представила, как она, отработав лет пять, возвращается в Москву. А в Москве свои «расклады», здесь ее не будут ждать, как сейчас в Дивноморске. «Что же делать? С одной стороны, мне хочется уехать. Вообще все бросить и уехать. Чтобы все другое — город, улицы, люди и отношения. Говорят, что после Питера и Москвы в других городах жить невозможно. Но мне совсем немного лет, чтобы отказываться от такого опыта. Когда еще, как не теперь?! Или буду я сидеть в теперешней своей конторе в этой же должности еще лет пять. Или буду прыгать с места на место в на-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

дежде, что меня когда-нибудь допустят в эфир. Господи, как же хочется попробовать совсем другого», — думала она, ворочаясь в постели.

Наутро она встала с готовым решением.

— Ну что, Женечка, подумала обо всем? — ласково спросила мать, глядя на спокойное лицо дочери.

— Да, мама, сегодня куплю билеты. Думаю, что недели мне на сборы хватит. На работе меня оформят переводом. Ни дня не потеряю, — ответила Женя.

Татьяна Владимировна вдруг вспомнила историю детских лет. Когда Жене было лет шесть, она стала замечать, что во всем доме надорваны обои. Когда это явление приняло просто угрожающие масштабы, родители призвали дочь и спросили:

— Женя, скажи, зачем ты во всем доме рвешь обои? Причем не просто чуть-чуть, кусочек, а основательно, лоскутами?

Ответа родители не получили, дочь поджимала губы и молчала. Обои еще некоторое время страдали, потом все прекратилось.

Прошло лет пять, пока однажды мать не спросила уже повзрослевшую дочь:

— Женя, ты хоть сейчас скажи, зачем ты во всем доме обои рвала?

И Женя ответила:

— Я газеты читала. Те, старые, которые под обоями были наклеены. Знаешь, очень интересно было. Потом, я же тогда только читать научилась!

Босиком по краю моря

Татьяна Владимировна всплеснула руками:

— Что ж ты раньше не сказала? Мы же хотели тебя к врачу вести! Шутка ли сказать, все стены изорваны в клочья!

— Я не хотела говорить. Вы бы не поняли меня.

Татьяна Владимировна мысленно согласилась с дочерью и еще раз удивилась ее выдержке и упрямству.

Поэтому положив руку на сердце окончательному решению дочери уехать в Дивноморск Татьяна Владимировна не удивилась.

Но был еще один человек, который страстно не желал отъезда Пчелинцевой. Это был Андрей Корольков.

С Корольковым Женю связывала отчасти учеба — Андрей был на два курса старше, и познакомились они на факультете. И еще их связывали достаточно длительные близкие отношения, которые к моменту принятия судьбоносного решения практически сошли на нет. И Женя отчетливо это понимала, и сам Корольков. Только последний, с одной стороны, не хотел с этим мириться, а с другой — не предпринимал никаких усилий, чтобы реанимировать их. Такая позиция бесила Женю.

Раз в неделю они встречались попить кофе, и каждый раз Корольков обвинял Пчелинцеву в том, что она разрушила их отношения.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Ты сама все устроила, ты все время врешь, что занята, а на деле то с подругами, то какой-то ерундой занимаешься... — начинал привычный разговор Корольков.

Поначалу Женя очень обижалась и принималась совершенно серьезно доказывать, что виноват как раз он, Корольков. Это он менял планы, не считаясь с ее учебой, работой, заботой о родителях и имеющимся у нее свободным временем. Корольков как бы слушал ее, но не слышал. Теперь они ссорились не из-за того, что кто-то предпочитает заниматься своими делами, а потому, что они не могут друг с другом разговаривать. И однажды Женя спокойно согласилась:

— Да, мне важнее мои дела, чем встречи с тобой. Ты совершенно прав.

Корольков опешил и следующие три недели усиленно оказывал Жене знаки внимания, ни разу не опоздал и не нарушил своих обещаний. Но было поздно — Женя стала равнодушной и к вниманию, и к невниманию. Они продолжали общаться, пикируясь, как и целуясь, скорее по привычке. Но никто не ожидал, что Корольков ТАК воспримет известие о ее отъезде. Когда Пчелинцева объявила о своем решении и показала билеты, в доме Королькова были разбиты два стакана и пепельница. Женя сделала круглые глаза, потом прислушалась к тому, что язвительно шипел бывший любовник, и ушла, громко хлоп-